

Жан-Люк Нанси

Прощайте, вампиры

Я не люблю вампиров. Не в том смысле, что боюсь их или они мне претят. Нет, я лишь хочу сказать, что не люблю саму идею, образ вампиров. Как и все изображения существ, витающих между жизнью и смертью: ходячих мертвецов, призраков, привидений, воскрешенных, духов в том смысле, в каком их рассматривает так называемый «спиритизм». Эти изображения могли быть оправданы в культурах, где образы самих мертвых по понятным причинам определялись тревожной растерянностью, охватывающей при виде мертвого: где он сейчас? Он ушел и все-таки он здесь, он еще похож на себя, еще смотрит на нас, но взглядом, уже устремленным вовне.

Но мы знаем, что мертвый мертв, просто потому что мы знаем, что все его жизненные процессы прекратились. Если прежде мы полагались на довольно шаткие признаки – остановку сердца, дыхания, – то сегодня располагаем куда более точным знанием, наглядно представленным неумолимо ровной линией электроэнцефалограммы.

Я вовсе не имею здесь в виду технонаучный позитивизм. Речь о другом модусе опыта. Наш опыт смерти – это опыт безвозвратности, отсутствия возврата. Мы попросту не можем конвертиро-

вать его в какой бы то ни было вид фигурации какого-либо восстановления или выздоровления.

Это освобождает нас от страха перед возвращением мертвых – страха вполне понятного, если смерть воспринимается не как полное уничтожение, но как трансформация или переход в другое состояние. В каком-то смысле все культуры воспринимают смерть одинаково болезненно, но для нас эта болезненность меняет акцент: от страха к подавленности.

Мне кажется, для нас сегодня всем попыткам реактивировать образность ходячих мертвецов препятствует это важнейшее смещение акцента. Нас просто не могут интересовать никакие мыслимые и немыслимые фантазмы возвращения мертвых к жизни.

Именно в пику этой подавленности западный монотеизм – начиная с иудаизма, но с важными добавлениями в христианстве, затем в исламе – изобрел «воскресение». Последнее – это вовсе не возвращение мертвого. Это некое преображение жизни в смерти, а именно: воскресение открывает возможность смысла наперекор смерти – то есть наперекор полному прекращению и лишению смысла. Воскресение никого не возвращает – и Христос, первый воскреснувший (отвлекаясь от истории Лазаря, который отчасти все еще относится к плану «живых мертвецов»), первый же уходит безвозвратно, после того как является в своем преображенном, прославленном теле Марии Магдалине. «Прославленное» тело не означает какое-то полуживое, полуплотское тело: это сама слава, то есть превращение в свет тела, чья плоть теряется во мраке земли.

* * *

В лице вампира мы сталкиваемся с одной из наиболее утонченных и сложных форм живого мертвеца. Вампир не просто возвращает-ся, являясь среди живых, – он возвращается ночью (под покровом мрака) и возвращается, чтобы испить крови живых: кровь, влага жизни, нужна вампирам для поддержания вторичной, тусклой, затворнической жизни в течение дня, поскольку они не переносят света. Особенно, если не исключительно, их привлекает кровь дев-

ственников, что примешивает сексуальное желание к желанию жить, однако наслаждение вампира едва ли может чем-то отличаться от унылого самоудовлетворения. Иногда женщина-вампир пьет кровь девиц для сохранения своей молодости. Другая вампирша может предпочитать кровь мужчины-девицы.

Истории живых мертвецов восходят к глубокой древности и известны во всех культурах – образ же вампира обозначился конкретно в христианской Европе. Возможно, он являл собой реакцию на неуловимый, недостижимый характер христианского воскресения – и это доказывало, а contrario, что глубинная истина воскресения четко осознавалась, хотя и не могла не казаться глубоко разочаровывающей. Помимо прочего, классический вампир боится распятия: это одно из главных средств обратить его в бегство.

Это не значит, что мы покончили с тем, что следует называть «жизнью мертвых». Далеко от этого, и не просто далеко, а мы даже подвержены решительному отталкиванию всякого представления такого рода «жизни по ту сторону». Человечество всегда знало, что смерть необратима, но интерпретировало эту тему весьма различными способами.

Для нас жизнь мертвых должна быть прямой противоположностью вампирической жизни. Противоположностью и истолкованием: мы понимаем, что мертвые действительно нуждаются в нас, в нашей крови. Нуждаются в ней, не только чтобы обрести себе подобие жизни, но и потому что человечество нуждается в придании смысла тотальности своего существования, как, впрочем, и существования всей природы. Как именно мы находим смысл в памяти об умерших – это постоянная забота всей современной культуры. Мы не можем больше довольствоваться Историей, тем, что все жизни мы должны сбрасывать на счет какого-то конечного достижения. Конечно, история остается, она связывает нас со всеми умершими, которые ее создали. Но мы находим смысл и в личном – не историческом – воспоминании о них, а также в том живом, что они нам оставляют: не только в их образах, которые продолжают в нас жить, но и в том, что эти образы, как и несущие их чувства, производят в нас. Мы живы в том числе и этим присутствием, неважно, осознаем мы это или нет.

Но мы живем также и за пределами этого измерения смысла.

Мы живы отношением к прекращению смысла как условию смысла как такового. В смерти смысл прерывается – но смысл и является, и можно говорить о «жизни» умершего. О жизни, которая не была бы такова, если бы он не был мертв. Однако опыта прекращения смысла, опыта истины смысла как прекращения нам избежать не дано. И боль его бесконечна. И все же именно из всех этих прерванных «смыслов» сплетается жизнь человечества – возможно, и мира.

Мы разделяем с мертвыми это отношение к разрыву смысла: они и мы по одну и другую сторону линии разрыва. Эту линию нельзя пересечь. Но мы обмениваемся с теми, кто на другой стороне, странным сигналом, разделяем с ними невыразимую

близость. Быть может, вампиры некогда были фигурой, изображавшей близость такого рода. Но сегодня мы мыслим эту близость бесфигурно.

Больше того, мы мыслим ее как не имеющую фигуры. Мысль трудная,
твердая, но, главное, уже
не страх, а твердость.
Мысль разящая,
но оттого
живая.